

ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ КАДРЫ

ОРГАН ПАРТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ, ПРОФКОМА И ДИРЕКЦИИ МОСКОВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА им. В. В. КУЙБИШЕВА

№ 9 (70)
Год издания 3-й

Понедельник,
18 марта 1957 года

Цена 20 коп.

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

Счастливого пути, Ли Чан-хы!

Кафедра архитектуры тепло проводила в Корейскую Народно-демократическую Республику бывшего аспиранта Ли Чан-хы. 5 марта он успешно защитил диссертацию и получил степень кандидата технических наук.

Тов. Ли Чан-хы приехал в Советский Союз четыре года тому назад. За этот период он хорошо изучил русский язык, глубоко освоил все необходимые специальные дисциплины. С исключительной настойчивостью и большим трудолюбием Ли Чан-хы работал над диссертацией. Он провел значительные экспериментальные наблюдения на ряде заводов, собрав интересные научные данные.

Провожая молодого корейского ученого, коллектив кафедры пожелал ему здоровья и больших успехов в труде на благо его родной страны.

В знак дружбы коллектив кафедры преподнес тов. Ли Чан-хы подарок — книгу «История русской архитектуры» и шкатулку работы палехских мастеров с изображением московского Кремля.

Прощаясь, тов. Ли Чан-хы поблагодарил за сердечное отношение своих руководителей — заведующего кафедрой В. М. Предтеченского и доцента В. М. Ильинского, а также и всех работников кафедры.

П. ТАРАКАНОВ,
парторг кафедры архитектуры.

По пятам „книжных жуков“

Утро. Петровка, 22. Здесь собираются студенты нашего института, решившие посвятить свой воскресный день «поискам приключений». Холодный ветер и пасмурная погода не предвещают ничего хорошего. Короткий инструктаж, и комсомольцы отправляются на задание.

...Кузнецкий мост. Огромная толпа, загроможденная улицей. Человека, случайно попавшего в эту толпу, поражает обилие портфелей, чемоданов и книг, торчащих из-под пальто. Над толпой стоит глухой шум. Доносятся непонятные непосвященному фразы: «Цвейг» — семь червонцев», «Меняю Дюма на Лондона».

Куда мы попали? Это — новый «черный рынок», который образовали спекулянты-книжники, «книжные жуки».

У магазина подписных изданий прогуливается Игорь Козлов, ученик 9-го класса 683-й школы. Под-

мышкой у него три тома Дюма. Но «дебют» начинающего спекулянта прошел неудачно. Первокурсник факультета ГС Герстле доставил его в штаб рейда. Молодой спекулянт отказывался оставить о себе память и упорно избегал объектива фотоаппарата, но и здесь его постигла неудача.

Время приближалось к трем. Толпа на Кузнецком постепенно редела — сказывалась работа участников рейда.

Последний заход. Он оказался очень эффективным. В толпе был замечен молодой человек, усердно предлагавший свои услуги. В тот момент, когда он уже сторговался с покупательницей, к нему подошли трое наших комсомольцев и предложили пройти в штаб рейда. Оттолкнув одного из них, он бросился бежать вдоль по Кузнецкому. Но убежать ему не удалось. При задержании он сопротивлялся, предлагал деньги и книги, а когда это не помогло, стал взывать о помощи к своим «друзьям по профессии». Они попытались отбить «своего». Собралась толпа. Остановились троллейбусы. Особенно рыаные «коллеги» пытались силой вырвать спекулянта из рук комсомольцев, и худо бы им пришлось, если бы не подоспел постовой милиционер. Спекулянт был доставлен по назначению.

Рейд прошел успешно. Всего в нем участвовало 160 комсомольцев. Задержано 47 человек. В их числе: спекулянтов — 41, нарушителей общественного порядка — 5, нарушителей паспортного режима — 1.

Среди задержанных — школьники, студенты, инженер-конструктор и другие.

Кроме мер административного порядка, направлены письма по месту работы и учебы большинства задержанных граждан.

В. КОТИКОВ,
Ю. ГАВРИЛОВ,
В. ШЕВЧЕНКО,
члены штаба БСМ.

Дима Герстле (ГС-1-2) и задержанный им спекулянт-дебютант Игорь Козлов.

Их было пятеро...

ИХ БЫЛО пятеро, но речь пойдет не о них. Вернее, не только о них.

У каждого нашлась своя, особая причина, а финал оказался общим для всех. Печальный, тревожный финал!

Алла Карпинская, работавшая в комсомольском бюро несколько лет, запустила учебу. Когда спохватилась, было уже поздно. Дима Филинец пропускал много лекций. Саша Пигалев — не подготовился к экзамену. Валя Адамова неудовлетворительную оценку объясняет коротко: «Не занималась». Причем говорит она об этом весело, шуточно, как о сущем пустяке. Почему-то смешно и Вячеславу Козеннову: «Получил двойку — ну и что же? рассуждает он. — Есть люди более умные, есть люди менее умные. Почему мы должны быть первыми, а не вторыми?»

Сам того не подозревая, Вячеслав задал очень серьезный вопрос. Действительно, почему?

...Идет заседание бюро ВЛКСМ факультета ГС. Слушаются персональные дела членов комсомольского бюро первого курса Зерцалова, Волохова и комсорга Владимирова.

Что можно сказать об этих ребятах? Неприятно слушать историю Зерцалова. Он не только плохо учился, но и отличался редкой инертностью, неповоротливостью в общественной работе. Немногим лучше и Волохов. «Учил, чтобы сдать», — говорил он товарищам. О том, чтобы знать, Волохов не думал, и, конечно, получил двойку по истории партии. Комсорг Вла-

димиров — он считается хорошим, толковым комсоргом! — тоже имел «неудовлетворительно» по истории партии.

Факультетское бюро обсуждает персональные дела этих горе-активистов. Ребята выслушивают упрямую, суровую критику. Критика правильная, но здесь возникает интересный вопрос: а судьи кто?

Вячеслав Козеннов спрашивает: «Почему мы должны быть первыми?». Да потому, что все пять человек, о которых говорилось вначале, были членами факультетского комсомольского бюро. Четверых за плохую учебу из состава бюро вывели, пятого — Сашу Пигалева — оставили, объяснив ему комсомольское взыскание. Справедливости ради скажем, что персональные дела Зерцалова и других бюро разбирало уже в обновленном составе, но этот факт бросил тень на все бюро в целом.

Неудовлетворительные оценки пятерых членов факультетского бюро — это не просто эпизод из их личной биографии. И речь здесь идет не столько об истории Козеннова или Карпинской, Пигалева или Адамовой. Речь идет о личном примере комсомольского вожака, об его подлинном авторитете в глазах товарищей, о моральном праве руководить коллективом.

Очень часто комсомольские активисты забывают, что только тот может требовать с других, кто умеет требовать с себя.

В. ЭЗЕРС, В. КАРПОВ.
(Наши корр.)

„НЕ ПОДЛОГ, А НЕЧТО СРЕДНЕЕ...“

В ФЕЛЬЕТОНЕ «Черт попутал», опубликованном в конце января, рассказывалось о том, как студент первого курса факультета ПГС, староста четвертой группы Виталий Пантелеев «поручил» за себя сдавать экзамен по математике другому лицу. Кому именно? Некоторое время это оставалось тайной, так как сам Пантелеев упорно твердил: «Я его знать не знаю, он совсем из другого института». Комитет ВЛКСМ постановил исключить Пантелеева из комсомола, о чем мы уже сообщали в газете.

А сегодня мы вновь возвращаемся к фельетону «Черт попутал» — обнаружился двойник Пантелеева. Им оказался студент группы ГСХ I-1 Михаил Скулин.

Вот он стоит перед членами комитета комсомола и неторопливо, рассудительно излагает «свой взгляд» на дружбу:

— Товарищ попросил меня, я не смог отказать. Конечно, я понимал, что это нехороший поступок, но все же решился...

Ему говорят: «Это не помощь, а подлог».

— Нет, это не подлог, это нечто среднее, — парирует Скулин, — ведь не за меня же шли сдавать!

Да, сдавать шли не за Скулина. Но разве от этого уменьшается его вина? Наоборот, она даже возрастает. Совершенно спокойно, трезво

взвесив все «за» и «против», он пошел на обман ради... Ради чего? «Товарищества», — говорит Скулин. — Не позволяйте, какое же это товарищество? Ведь так легко можно дойти до полного отрицания всякой морали: товарищ соврал — не выдай, украл — спрячь, спился — одолжи денег. Нечего сказать, хорошее «товарищество»!

— Нельзя так строго осуждать меня за один проступок, — говорит Скулин, — раньше я честно служил в армии, был секретарем комсомольской организации.

«Был секретарем...» — вполне достойное смягчающее обстоятельство! Жаль, что Скулин не вспомнил о своих прошлых комсомольских заслугах в тот момент, когда разоблаченный, пересканивая через парты, спасался бегством от преподавателя.

В группе ГСХ I-1 так «оригинально» понимает товарищество не один Скулин. Комсорг Леонид Яковлев сдавал зачет по физике за студента Игоря Новикова. Их обоих вызвали на заседание комитета. Яковлев явился. Новиков — нет. Что же с ним случилось? Попал под машину? Заболел? Ничего подобного. Просто у него был... билет в кино. Он, конечно, никак не мог пропустить этот сеанс.

«Таким, как ты, — сказали Новикову на заседании комитета ВЛКСМ, — в комсомоле делать нечего».

Мы вполне согласны с этим.

Настоящий друг пойдет за товарищем в огонь и воду, поможет в беде, выручит в трудном положении. А такие люди, как Скулин и Яковлев, считающие за доблесть толкнуть ступившегося товарища еще дальше в яму, лишь опошляют прекрасное слово «дружба».

Е. МИРОТВОРСКАЯ,
студентка.

Книжная «толкучка» на Кузнецком...

Рисованные заголовки в этом номере В. Кунакова (1 стр.) и Л. Руденко (2 стр.)

Дело каждого!

По решению XXVIII районной комсомольской конференции каждый студент должен отработать на стройках жилья в Бауманском районе не менее двух часов. При комитете ВЛКСМ нашего института создан штаб ударных бригад. В него входят Юра Гайваронский, Николай Цугалов (ПГС), Николай Тумков (ВиК), Виктор Галкин (ТГнВ).

Студенты факультетов ПГС, ВиК и ТГнВ приступили к работе по графику. Комсомольцы правильно поняли задачу и считают своим долгом помочь строителям. Группы ПГС I-4 и ПГС III-8, ТГнВ I-1, ТГнВ II-1, ВиК IV-1 вышли на работу в полном составе и трудились отлично.

Но не все обошлось гладко. Группы ПГС III-11, ПГС III-12 и ТГнВ III-1 фактически сорвали выход на стройки. Комсорги Евсеев, Угрюмов и Прохоров отнеслись к важнейшему делу «спустя рукава».

За работу на стройках в дни каникул наш институт получил почетный вымпел Бауманского райкома комсомола, и мы, будущие строители, должны держать его с честью.

Л. СУРМИН,
начальник комсомольского строительного штаба.

Из чего выбирать?

За полтора месяца, прошедших с начала семестра, вышло только три факультетских стенных газеты. Это свидетельствует о том, что партийные и комсомольские бюро факультетов ТГнВ, ГС и СТ заметно ослабили внимание к работе своих редколлежий.

Выпустила газету редколлегия факультета ГСХ. В номере три заметки (одна из них о работе на целине!) и стихотворение. Не будем говорить о том, что материал опубликован «сырой», неотредактированный, заметки напечатаны с ошибками. Если судить по оформлению газеты, может показаться, что на факультете ГСХ никто не умеет рисовать. В действительности это, конечно, не так. Просто бюро ВЛКСМ и редколлегия не умеют привлечь актив художников. Оставляют желать много лучшего газеты факультета ПГС и механического. Здесь довольно разнообразный материал, неплохо поданный. Но художественное оформление — скучно, однообразно.

Стенная печать нашего института имеет хорошие традиции. В прошлом на большинстве факультетов выпускались содержательные, со вкусом оформленные номера газет. Почему же теперь мы наблюдаем топтание на месте?

К фестивалю проводится конкурс на лучшую факультетскую газету. Совершенно непонятна позиция «невмешательства», которую занимает сейчас член комитета ВЛКСМ института Люся Гусева, ответственная за сектор печати. Ведь каждому ясно: при нынешнем качестве стенных газет конкурс обречен на провал. Просто не из чего будет выбирать.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЛАННЫХ НА КОНКУРС

НОВИЧОК

ВСТРЕЧА

Не знаю — как,
не помню — где.
Увидел — и застыл.
И как взглянул,
так и глядел
И шел куда —
забыл.

Поэт сказал бы, что весна.
Что, мол,
как лань, стройна.
А я скажу вам:
мне тогда
Понравилась она.

Скажу, что был я в этот миг
Как будто ослеплен.
Не стану говорить — «постиг», —
Я просто был влюблен.
Тайком поправлял прядь волос
Влюбленный ветер ей.

Мне раньше видеть не пришлось
Прекраснее кудрей.
Глаза большие, черные,
Бровей упрямый взлет.
В мою взглянула сторону —
Стою, открывши рот.
Улыбка шаловливые
Улыбка чуть свела

И искорки пугливые
В тени ресниц зажгла.
Но, как случается подчас,
Я страшно покраснел
И так смутился,
что и глаз
Поднять уже не смел...
Не знаю — где, не помню — как
Забыть успел — когда...
Одни лишь бросит:
— Вот чудак.
Другой протянет:
— Да-а...

БУРО

В ЗАБЫТОЙ АЛЛЕЕ

С краткой замятью вечер,
В забытой аллее,
Серебрил снегопад слабый
свет фонаря,
И, укутавшись снегом, теплое
было твое.

Спали, грезя весной, тогда
тополя.
Снилось им, что пьянящей
весенней влагой
Воздух полон, да так, что
нельзя сдержать слез,
И опять обнимают они за оградой
Чуть дрожащие плечи
плакучих берез.
Мы стояли, любуясь
пушистым и белым
Одеянем, что, ежась,
укрылась земля.

И ты, помню, тогда первый
раз невмело,
В этом мило стыдясь, целовала
меня.

Снег кружился, ложась нам
с тобою на лица.
Вскоре тая на них под теплом
наших губ...
Мне казалось тогда, что все
это лишь снится,
И, казалось, проснуться тогда
не смогу.

Было так хорошо в этом
снежном забвении...
И хотя был мороз, и порошу
мело,
Но далекое время цветения
сирени
Подарило, казалось, свое нам
тепло.

★ ★ ★

С ВЫСТАВКИ ХУДОЖНИКА И. ГЛАЗУНОВА

„Россия“

Бескрайняя заснеженная ширь...
От белыны и дали хаты сини...
Упряжка одиноко в путь
спешит...
Знакомое раздолье души —
Приволье русское
пробуженной России.

В дали заснеженной
видна еле-еле.
«Шоди, догни,
иссохнешь от слез», —
Подгоняя, кричит ему ветер.
А снежный буран
почти уж занес

„УШЛА“

И с толку, и с ног
сбивает метель.
Что это случилось с ним?
Неужели?
Ушла?
Да, ушла. Силуэта лишь тень

Снегом следы
самой милой на свете.
Всплыл
неразделенного чувства шпак.
Начнет теперь
тоску кантелить.
«Может, догнать?»
Нет. Зачем.
«Ушла», —
Слышно в бешеном завыванье
метели.

Рождение фильма

НАШИ читатели не раз выражали пожелание, чтобы газета почаще рассказывала о новостях культурной жизни столицы, всегда интересующих студентов.

И вот мы в первом павильоне Мосфильма, где идут съемки новой картины «Рождение по мукам» по одноименному роману А. Толстого.

... — Номер 320, дубль шесть.

По перрону забегали люди, и через несколько минут поезд дрогнул, и мимо вагона проплыли две-

ри ресторана, заляпанные известью окна вокзала, бабы с баулами, старики с котомками и солдаты.

На небольшом возвышении декорации купе вагона. Пробираясь на юг, Вадим Петрович Рощина и его жена Катя встречают бывшего денщика Рощина Алексея Красильникова. Этот короткий эпизод репетируется актерами много раз, неоднократно снимается, и при каждой съемке режиссер вносит все новые и новые поправки, артисты тщательно отработывают каждый жест, каждую интонацию. Только сейчас мы поняли, какой напряженной работы требует создание новой картины. Четыре часа снимались три эпизода в вагоне, которые в фильме займут несколько минут.

Мы не сразу привыкли к кинематографической терминологии.

— Мотор, свет! — слышится голос режиссера.

Только Красильников успел произнести первую фразу, как вдруг резкое «стоп». И так несколько раз.

«Признаюсь, хоронить таких людей, как Беликов, это большое удовольствие... И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько еще таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!»

А. П. Чехов.
«Человек в футляре».

ПРОБЕГАЯ утром мимо гипсовых фигур, стоящих на институтской лестнице, Беликов каждый раз думал о том, что это единственное место, где в ожесточившийся от формул мозг заглядывают мысли об эстетике и гуманизме. Два гипсовых атлета с любопытством взирали на стоящих вместе Аполлона и Афродиту, еще не закончившую своего туалета. Повелитель муж церемонно отвернулся от соседки отнюдь не из соображений общественной морали: он был влюблен в девушку с ВиКа.

Сегодня Беликов особенно дружелюбно улыбнулся Аполлону. Беликов догадывался о причине своего хорошего настроения: по средам одна лекция, и он надеялся услышать минимум того, что слышит комсорг от части группы, которая отличается «широким интеллектом» и узкими брюками. Чувство довольства всем и собой, в частности, не покинуло Беликова ни на лекции по теплотехнике, ни даже тогда, когда он случайно «выбросил в урну троллейбусный билет: обычно Беликов хранил его до вечера, как символ выполненного долга.

Свой предательский удар судьба нанесла ему лишь на второй пятнадцатиминутной перемене. Несчастье подпорнуло в образе хорошенькой, с виду чуть легкомысленной, но полной энергии Люды Са-

енко — деятеля факультетского масштаба.

— Беликов, — защебетала она с дальней дистанции, — ты знаешь новость? Скоро фестиваль. Короче, необходимо тематическое собрание...

— Моральный обдирок? — деловито осведомился Беликов и пошел за блокнотом. Мысленно он представил себе, каким ударом будет его доклад для «узкобрюшников», которых он не понимал и боялся. Но Люда мило улыбнулась:

— Расскажешь о зарубежной молодежи, ну, хотя бы... о студентах Америки.

Блокнот остался в кармане. Людмила тема была для Беликова столь же неожиданной, как северное сияние в Сочи или рев медвежьей шкуры в вестибюле институтского клуба.

«Вот оно», — пронеслось в его мозгу, но пока он медленно приходил в себя, от Люды остался лишь запах «Белой сирени». Беликов понимал, что от этой темы нельзя ожидать ничего хорошего, но всю безнадежность случившегося он осознал лишь тогда, когда выслушал мнение своей группы.

НАЧАЛОСЬ с того, что он заметил у ребят осмысленное выражение лиц и неподдельный интерес. От этого Беликов даже растерялся: впервые в своей практике комсорга он чувствовал себя центром внимания.

Тон задала Клава Ласточкина, девушка очень нравившаяся Беликову, но которую он тем не менее тщательно избегал, так как все знали, что ее кумиром был Энди Таккер, герой рассказов О'Генри.

— Беликов! Сегодня даже я не

могу назвать тебя педантом с убогим воображением. Эта тема генеральна!..

И Клава тут же начала вносить конкретные предложения в группе антиклуба-клановки (а) клуб, б) завязать перфоленту с потомками О'Генри, в) обменяться делегацией с одним из строительных колледжей. И хотя богатая фантазия Клавы сменилась более трезвыми идеями, было ясно — группа нашла точку приложения своей энергии.

Все это казалось Беликову странным и подозрительным.

Эта мысль окончательно укрепила в его голове после разговора с Георгом Воробьевским, странной личностью, которую личности не менее странные почему-то называли «свободным лабухом».

— Мой милый, — Воробьевский нежно, словно девушку, взял Беликова под руку. — Все это не так просто. Почему другие группы получили нормальные темы, а тебе достались Штаты? Случайность? Нет! — последнее слово вырвалось нотой ля-диез в тональности домжор. Лицо Воробьевского было пугающе значительным: — А ты знаешь, что такое рок энд ролл? — спросил он без видимой связи.

— Знаю, — прошептал Беликов, замечая, что глаза Георга принимают фантастические размеры.

— И ты слышал о комиксах? Беликов внутренне содрогнулся: — А если бы и слышал? — Если бы луна была сыром, то кратеры были бы дырками!

Это кабалистическая тирада окончательно добила Беликова. Он обвел знакомую фигуру Аполлона таким испуганным взглядом, будто на ее пьедестале было выбито «Мейд ин Ю. С. Эй».

КАК БИТЬ? — спрашивал себя Беликов по дороге домой.

Мысли Беликова вновь и вновь возвращались к злополучной теме. Крайне смущала его и ее новизна, и неожиданная активность товарищей по группе, и намеки Воробьевского. «Все это произошло как-то вдруг, — пронеслось в его голове, — надо подумать!.. Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, а как бы чего не вышло...»

Беликову казалось, что он существует лишь как исторический фант в протоколах. Равномерно бронзовые удары колокола с Елоховской отражались в его воспаленном мозгу обрывками мрачных, как призраки, мыслей:

До-он, до-он — «Все кончено...».

До-он, до-он — «Вызовут в комитет...».

Он шел домой в полутьме, устремив взгляд туда, где пересекаются параллельные прямые. И, наверное, только поэтому сердце его не отзывалось на неоновые призывы выиграть сто тысяч, застраховать свою жизнь, а затем продлить ее с помощью томатного сока «Главконсерва».

Дома он быстро разделся, в изнеможении лег на диван и тут же уснул.

Уже на второй минуте он обнаружил себя в Чикаго, по адресу 5-я авеню, кабаре «Голубая Гэлл».

Мистер Беликофф, как называл его теперь сидящий рядом субъект с манерами и голосом Воробьевского, тянул сода-виски из стакана с изображением той, имя которой носило кабаре. В руках он держал популярную местную газету «Фор билдерс Кэйдерс» с его собственной статьей о срыве институтского фестиваля. Хрустальные грани стакана вспыхивали фейерверками искр, превращая его будущность в сверкающую фантазию.

Внезапно раздался равномерно-бронзовый удар колокола, джэк превратился в членов комитета, и Леша Терехов, сверкнув очками, закричал «Вот он, взять его!!»

Беликов хотел вскочить и спрятаться, но не мог — тело было чужим и не слушалось. Он не мог даже кричать. Он задыхался, Ужас, хваткая бульдога, тиснул сердце.

...Утром на столе декана появилось заявление студента Беликова с просьбой предоставить ему академический отпуск. Прилагалась справка врача. М. РОЗ и Т. ЧУ...

РЕПОРТАЖ

СО СТУДИИ

— Мое лицо не перекрывается ли носом Гриценко? — шутливо обращается к оператору Руфина Нифонтова.

— Нет, голубушка, все в порядке. А вот Рощину не мешало бы «промакнуть» лоб.

Срочно вызывается гример.

В перерывах между съемками мы беседуем с заслуженным деятелем искусств, режиссером-постановщиком Г. Л. Рошалем.

— Фильм выйдет в двух сериях, — сказал Григорий Львович. — Причем съемки идут одновременно для широкого и обычного экрана...

В роли Даши снимается учащаяся третьего курса школы-студии МХАТа Н. Веселовская, Катю играет Р. Нифонтова, Телегина — В. Медведев, Рощина — Н. Гриценко, Бессонова — Владлен Давыдов, Роль Чугая исполняет артист С. Лукьянов. В эпизодах и

массовых сценах снимаются студенты московских вузов.

Г. Л. Рошаль особенно отмечает игру студентки финансового института Гавриловой.

В Москве уже сняты эпизоды у Городской думы, демонстрация на Красной площади, сцены у лазарета и в квартире Смоковникова. На днях группа выезжает для дальнейших съемок в Ленинград.

Первая серия фильма «Сестры» выйдет к 40-летию Великой Октябрьской революции.

Н. ШАПИРО.

(Наш корр.)

На снимках: слева — рабочий момент съемки; режиссер Г. Л. Рошаль, артист В. Давыдов в роли Бессонова и учащаяся школы-студии при МХАТе Н. Веселовская в роли Даши; сверху — герои фильма: Даша, Телегин (артист В. Медведев) и Катя (артистка Р. Нифонтова).

Редактор Н. Г. НЕФЕДОВ.